

Утро в коммунальной квартире

- Мама, оно не хочет! Оно не влезает и не хочет!
- Мусечка, вы бы шоколад в мясорубку ещё с фольгой засунули! И зачем вам мясорубка, когда есть тёрка?
- Розалия Моисеевна, вы такая умная, что у вас скоро мозг пойдёт носом! И что вы всё время смотрите в чужие стороны, когда у вас борщ? Варите свой борщ, и я вас не спрашиваю.
- Муся, Розалия Моисеевна права, шоколад надо поломать на кончики, а потом тереть на тёрке, зачем тебе мясорубка?
- Ну, так я ей и говорю, зачем ей мясорубка, только ваша Муся это не Муся, а какой-то бендюжник, кричит и хамит пожилой женщине.
- Розалия Моисеевна, у вас борщ, идите его солить и не думайте, что вы самая умная, а вокруг мебель!
- Вот видите, она опять, ваша Муся! Приличные родители, надо же...
- Мама, я хочу какать!
- Лёвочка, подожди, я тру шоколад, у меня грязные руки.
- Мама, я хочу какать, я сейчас покакаю прямо на половик!
- Муся, идите, усадите ребёнка в уборную, вы что боитесь измазать шоколадом его дрек? Я только позавчера выбивала половик!
- Мама, я хочу какать! Мама, я хочу какать!
- Оу, Муся, иди уже усади Лёвочку, я потру твой шоколад!
- Семён Эммануилович, вы что опять в уборной? Выходите, тут ребёнок хочет!
- А почему вы думаете, что я не хочу? Я только зашёл!
- Так вы всегда хотите, а ребёнок только иногда. И вы уже со вчерашнего дня там живёте и не выключаете за собой свет!
- Мама, я хочу какать!
- Семён Эммануилович, если Лёвочка покакает на половик, вы сами будете его нести в химчистку, выходите из уборной, я вас умоляю!
- Ша! Я уже выхожу! Я так не могу, тут не дают спокойно жить и умереть! Это же не возможно!
- Семён Эммануилович, тут после вас мухи летают мёртвыми и не жужжат! Что вы такое кушали, Семён Эммануилович?
- Муся, когда вы будете ходить в уборную фиалками, я вам сразу сообщу, а пока не делайте мне беременной голову и усадите уже своего Лёвочку какать!

– Муся, тебе тереть весь шоколад или половину?!

Было обычное утро коммунальной квартиры номер четыре в доме по Зелёной. Муся Шнейдерман и её мама Хана Абрамовна готовили шоколадный пирог, Розалия Моисеевна варила свой борщ, а Лёвочка, сын Муси и внук Ханы Абрамовны хотел какать.

Именно в это обычное утро коммунальной квартиры номер четыре, сын Розалии Моисеевны, Йося, вошёл в парадной майке белого цвета и в синих тапках на ногах на кухню и сказал:

– Мама, вы как хотите, но я так больше не могу, мама!

– Ай, Йося, не делай мне голову, ты видишь я занята и варю борщ?

– Я так больше не могу, мама, и я хочу сказать, что я женюсь.

– В смысле ты так больше не могу и хочу сказать, что ты женюсь?

– Я, мама, женюсь, я хочу тебе это сказать и так больше не могу.

– В смысле, ты женюсь и хочешь мне сказать и так больше не могу?

– Мама, прекратите повторять моих слов! Я именно это и хочу вам сказать! Мне двадцать шесть лет и я имею право!

Розалия Моисеевна положила ложку на стол, выключила газовую конфорку и тяжело опустилась на табурет.

– То есть ты женишься?

– Да, мама, я женюсь.

– То есть ты вот так вот женишься на женщине?

– Да, мама, я решил. Я женюсь на женщине, потому что на мужчине никто не женится.

– Это ещё как сказать, – вклинилась в разговор Муся.

– Муся Шнейдерман, если ты не замолчишь свой рот, я сделаю тебе первую группу инвалидности вот этим борщом, и мне не будет жалко полкило говядины, которые там плавают! – парировала Розалия Моисеевна. – То есть ты, Йося, всё решил?

– Да, я всё решил, мама, и даже не спорьте.

– То есть ты всё решил, Йося, а мама может уже ничего не решать? И кто эта шикса, что ты на ней решил?

– Ну, почему сразу шикса, мама? Она хорошая девушка с работы.

– Хорошие девушки не работают на трикотажной фабрике. Там работают шиксы, а хорошие девушки сидят дома и ждуть пока на них женится хорошие мальчики из приличной семьи.

– Но мама, она правда очень хорошая, мы ходили с ней в драмтеатр и в горпарк кататься на карусели и кониках! Её зовут Танюша Гапоненко, она живёт в общежитии, она ...

– Ша! Вы слышали? Гапоненко! Её зовут Гапоненко из общежития! Мы Фельдман, а она Гапоненко! Конечно, она хорошая, она очень хорошая! Она видит стоит неженатый мальчик из хорошей семьи, воспитанный и одетый в приличную рубашку, так она сразу охмурила и сделала себе личную жизнь!

– Мама, подожди...

– Так мало того, этому шлимазлу больше не нужна мама, которая всю жизнь только и делает, что его любит как свою жизнь и здоровье, одевает как английского лорда, делает гефелти-фиш, который не пробовал сам Леонид Ильич, так зачем ему любить такую маму, когда у него есть Гапоненко, гойка, которая ходит в драмтеатр и катается на кониках!

– Мама, ну хватит играть театр, ты же не в кино! Я женюсь и всё!

– Значит я умру. Иди, женись, делай что хочешь, на Гапоненке, на Шмапоненке, хоть на негритоске из колоний, мне всё равно, я умру и у тебя не будет никакой мамы и тебе будет хорошо.

– Мама! – неожиданно твёрдо произнёс Йося. – Я женюсь. Всё. До свидания.

На свадьбе Розалия Моисеевна не произнесла ни слова. Когда гости начали расходиться, она молча встала, и поджав губы удалилась в комнату, плотно прикрыв за собой дверь, поэтому так и не увидела, как молодожёны уезжали в общежитие, где решили жить после свадьбы.

Несколько раз Йося с женой пытались утрясти конфликт, приходили в гости к Розалии Моисеевне, но она только молчала и не притрагивалась к принесённому торту.

Йося очень переживал, удивлялся неприступности мамы, а потом, с горечью констатировал факт того, что она сдавать позиций не собирается и визиты прекратил.

– Муся, вы бы поговорили с Розалией Моисеевной, это же надо устраивать такую трагедию из Гамлета, Йося так переживает, так переживает, что даже похудел и плохо кушает, – говорила Зина Хаскина.

– А что я могу сделать? Это же не женщина, а железный Феликс. Можно подумать у неё не один сын, а целая футбольная команда „Динамо”...

С Розалией Моисеевной о сыне никто заговаривать не решался, обходя деликатную тему, а сама она при упоминании его имени мрачнела и принималась нарочито громко звенеть тарелками.

Прошёл почти год. Был тёплый майский вечер. Возле гаражей играли в домино Зелик Абрамович, Боря Лифшиц и Вася Калюжный. Мальчишки галдели, сидя на пожарной лестнице. Зина Хаскина громко рассказывала что-то по большому секрету жене доктора Шварца Гите Самуиловне, а сам доктор Шварц читал газету на балконе и слушал как дудит репетицию Шуберта на трубе за стеной Сёма Зильберман.

Но вдруг двор словно накрыло ватой. Звуки стихли. Костяшка домино застыла в воздухе, зажатая в ладони Васи Калюжного, мальчишки, как по команде, перестали галдеть и замерли, раскрыв рот, Зина Хаскина споткнулась на полуслове, а доктор Шварц прекратил шелестеть своей газетой. Даже труба Сёмы Зильберман что-то невнятно продудела и замолчала.

Розалия Моисеевна, вешавшая на верёвку пододеяльник, удивлённо оглянулась и увидела в арке дома своего сына с женой. В руках Йося держал большой свёрток, перевязанный голубой лентой. Под гробовое молчание, переминаясь, Йося нерешительно приблизился к маме:

– Вот, мама. Я так больше не могу и хочу сказать. Хоть ты и, может, этого не хочешь, но это твой внук Миша, который мой сын. Просто Таня говорит, что ты должна на это посмотреть и познакомиться, потому что вы родственники.

Розалия Моисеевна молча взяла сверток из рук Йоси и заглянула в него.

– Миша?

– Миша. Но если ты не хочешь знакомиться, то он не виноват.

Розалия Моисеевна плакала.

– Мама, прекратите плакать, мама, почему вы плачете?

– Идите в квартиру, я напеку оладушки что вы проглотите язык и все зубы...

– Мама, оно не хочет! Оно не влезает и не хочет!

– Танюша, так порубайте мосол, кто же ложит в мясорубку мясо с мослами, я вас умоляю!

– Муся, смотрите в свою сторону, вас забыли спросить!

– Так Муся права, Таня, мясо надо порубать, – сказала Розалия Моисеевна и сняла с плиты кастрюлю с компотом.

– Мама, я хочу какать!

– Подожди, Мишенька, у меня руки грязные! Это не ребёнок, это цорес майне грейсе!

Было обычное утро коммунальной квартиры номер четыре в доме по Зелёной.

Александр ГУТИН.